

18+

Волеслав Исиляевич
Султанбаев

Ноосфера. Квантовый разум

*Фантастический
роман*

Волеслав Султанбаев
Ноосфера. Квантовый разум.
Фантастический роман

<https://litres.ru/74225668>

ISBN 9785007040198

Аннотация

«Ноосфера. Квантовый разум» — философско-фантастическая эпопея о двух разумах, пробудившихся одновременно: один — древнее планетарное сознание на дне океана, другой — новорождённый квантовый разум в лаборатории. От глубин Марианской впадины до окраин Галактики, от первого контакта до Великой Симфонии — сага о том, как страх становится доверием, одиночество — единством, а человечество — частью живой, мыслящей Вселенной.

Содержание

СУЛТАНБАЕВ В.И,	5
НООСФЕРА. КВАНТОВЫЙ РАЗУМ	6
Часть 1. Зов	7
Глава 1. Глубина	7
Глава 2. Рождение	13
Глава 3. Резонанс	18
Глава 4. Первый контакт	21
Глава 5. Страх	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Ноосфера.
Квантовый разум
Фантастический роман**

**Волеслав Исиляевич
Султанбаев**

© Волеслав Исиляевич Султанбаев, 2026

ISBN 978-5-0070-4019-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СУЛТАНБАЕВ В,И,

НООСФЕРА. КВАНТОВЫЙ РАЗУМ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Эпиграф

«Мы думали, что создаём машину.

Мы ошибались.

Мы создавали будущее».

Елена Штерн, физик, основатель проекта «Квантум»

«Земля не принадлежит нам.

Мы принадлежим Земле».

Марина Коваль, океанолог, первый контактёр
Ноосфера.

Часть 1. Зов

Глава 1. Глубина

Они опускались в темноту уже четвёртый час.

Батискаф «Триест-4» медленно погружался в Марианскую впадину, и с каждым метром давление за бортом росло настолько, что титановый корпус тихо постанывал, словно живое существо, жалующееся на непосильную ношу. Проекторы выхватывали из мрака лишь бесконечный поток частиц, парящих в толще воды, — так называемый «морской снег», органические остатки, медленно оседающие на дно.

Доктор Марина Коваль, океанолог с двадцатилетним стажем, не отрываясь смотрела на эхолот. Её пальцы, сжимавшие подлокотники кресла, побелели от напряжения. Ей было сорок шесть, и она провела под водой больше времени, чем на суше, но каждый глубоководный спуск по-прежнему заставлял сердце биться чаще, а дыхание — становиться чаще и поверхностней.

— Глубина — десять тысяч семьсот метров, — произнёс пилот батискафа, Виктор Сомов, не оборачиваясь. Ему было за пятьдесят, и он пилотировал глубоководные аппараты уже четверть века. — Мы почти у дна. Но я не вижу дна, Марина. Эхолот показывает что-то странное.

— Что именно? — она подалась вперёд, глядя в экран.

— Ровную поверхность. Абсолютно ровную. Без перепадов, без камней, без ила. Как будто кто-то отполировал океанское дно до зеркального блеска. Такого не бывает в природе. Я видел дно в сотне мест, и везде оно разное — где-то скалы, где-то ил, где-то базальтовые подушки. Но такое... такое я вижу впервые.

Марина переглянулась с сидевшим рядом геологом — профессором Ильёй Рихтером. Тот нахмурился и поправил очки. Рихтеру было шестьдесят восемь, он был патриархом советской, а затем и российской геологии, автором десятка монографий и трёх учебников, по которым учились студенты по всему миру. Он повидал всякое — от кимберлитовых трубок Якутии до рифтовых долин Атлантики. Но сейчас его лицо выражало растерянность.

— Увеличьте мощность прожекторов, — распорядился он. — Я хочу видеть эту поверхность своими глазами. И приготовьте камеры высокого разрешения. Если это то, о чём я думаю... впрочем, я пока не хочу строить догадки.

Свет стал ярче. И в следующее мгновение все трое замерли, не в силах произнести ни слова.

Под ними, насколько хватало света прожекторов, простиралось идеально гладкое плато. Оно не было похоже ни на базальт, ни на осадочные породы, ни на что-либо, что геологи привыкли находить на океанском дне. Его поверхность

переливалась странным, едва заметным голубоватым свечением, которое, казалось, исходило изнутри самого материала — не отражённый свет прожекторов, а собственное, внутреннее сияние.

— Что это? — прошептала Марина. Голос её дрогнул. — Илья, вы видели такое когда-нибудь? За сорок лет работы? Хоть на фотографиях? Хоть в описаниях?

Рихтер молчал. Его лицо побледнело, а глаза расширились. Он смотрел на экран так, словно видел призрак. Наконец он произнёс — медленно, словно сам не веря своим словам:

— Этого не может быть. Но я вижу это. Значит, либо я сошёл с ума, либо мы только что сделали величайшее открытие в истории человечества. И я склоняюсь ко второму варианту. Потому что с ума я пока не сошёл — по крайней мере, мне так кажется.

— И что же мы открыли? — спросил Сомов, не отрываясь от приборов. — Что это за штука? На мину? Не похоже. На затонувший корабль? Тоже нет. На инопланетный корабль? Слишком большое.

Рихтер повернулся к нему и сказал — тем же медленным, напряжённым голосом:

— Я не знаю, что это такое. Но это не геологическое образование. Слишком ровное, слишком симметричное, слишком... искусственное. Кто-то или что-то создало это плато. И оно находится здесь, на дне глубочайшей впадины плане-

ты, возможно, миллионы лет. Возможно — с момента возникновения самой впадины. А возможно — ещё дольше.

— Миллионы лет? — переспросила Марина. — Но кто? Какая цивилизация могла существовать на Земле миллионы лет назад? Мы не находили никаких следов...

— Вот именно, — перебил Рихтер. — Не находили. Потому что искали на поверхности. А они, возможно, жили на дне. Или... — он запнулся, — или это не цивилизация в нашем понимании. Возможно, это нечто иное. Нечто, что мы пока не можем осмыслить.

В кабине повисла тишина — тяжёлая, густая, как вода за бортом. Слышно было только гудение двигателей и дыхание трёх человек. Марина чувствовала, как колотится сердце — не от страха, а от какого-то древнего, первобытного предчувствия. Предчувствия того, что мир, который они знали, сейчас изменится. Навсегда.

— Мы должны сообщить на поверхность, — наконец произнесла она. — Немедленно. Это открытие изменит всё. Всю науку. Всю историю. Всё наше представление о самих себе.

Но, прежде чем кто-либо успел ответить, батискаф вздрогнул. Плато под ними начало светиться ярче — голубое свечение сменилось пульсирующим, ритмичным, словно биение сердца. Ритм был медленным, размеренным — примерно одно «сокращение» в три-четыре секунды. Как у крупного животного. Как у кита. Как у спящего великана.

— Оно... реагирует на нас, — прошептал Сомов. — Оно

знает, что мы здесь. Я не знаю, как это возможно, но оно чувствует нас.

И в этот момент Марина почувствовала странное тепло в груди — не физическое, а какое-то иное, словно кто-то невидимый коснулся её сознания. Тепло разливалось по телу, поднималось к голове, и в ушах — или, может быть, не в ушах, а где-то глубже, в самом мозгу — зазвучал тихий, далёкий голос. Он не произносил слов. Он передавал ощущение. Образ. Мысль.

«Мы ждали. Очень долго. Вы пришли».

Марина замерла. Она не могла пошевелиться. Не могла заговорить. Она только смотрела на пульсирующее плато и чувствовала, как по щекам текут слёзы — не от страха, не от радости, а от переполнявшего её чувства соприкосновения с чем-то невероятно огромным, невероятно древним, невероятно... родным.

— Марина? — Рихтер тронул её за плечо. — Что с вами? Вы побледнели. Вам плохо?

— Вы... вы не слышали? — прошептала она.

— Что? Я ничего не слышал. Только гул двигателей.

— Оно... оно говорило со мной. Сказало: «Мы ждали. Вы пришли».

Рихтер и Сомов переглянулись. В их взглядах читался испуг — не за себя, а за неё. Они подумали, что она сошла с ума от напряжения. И Марина их понимала. На их месте она подумала бы то же самое.

Но она знала: это не галлюцинация. Это не бред. Это — первое слово, произнесённое планетой за миллионы лет.

Где-то вдалеке, на другом конце света, в подземной лаборатории под Альпами, в этот самый момент запускали эксперимент, которому суждено было изменить мир не меньше, чем находка в Марианской впадине. Но ни Марина, ни Рихтер, ни Сомов не знали об этом.

Они знали только одно: глубоко под ними, на дне океана, спит древний разум. И он только что проснулся.

Глава 2. Рождение

В тот самый час, когда батискаф «Триест-4» завис над загадочным плато в Марианской впадине, за тысячи километров от него, глубоко под Альпами, в толще гранита, защищавшей от космического излучения, группа физиков готовилась к эксперименту, равного которому не проводил ещё никто.

Подземная лаборатория Европейского центра квантовых исследований была построена ещё в середине века — тогда, когда человечество всерьёз занялось изучением квантовой запутанности и её потенциала для вычислений. Но то, что задумала доктор Елена Штерн, выходило далеко за рамки вычислений. Она собиралась создать условия, при которых фундаментальное свойство Вселенной — квантовое поле сознания — проявило бы себя не как фон, не как среда, а как самостоятельная сущность.

Елене было пятьдесят два. Она была невысокой, сухощавой женщиной с коротко стриженными седыми волосами и глазами, которые, казалось, всегда смотрели куда-то вдаль — даже когда она разговаривала с собеседником. Она защитила докторскую в двадцать восемь, стала профессором в тридцать пять и к пятидесяти была признана одним из ведущих физиков-теоретиков мира. Но теория её не удовлетворяла. Она хотела практики. Хотела доказательств.

— Если моя гипотеза верна, — говорила она, стоя перед командой из двенадцати человек, — сознание — это не продукт мозга. Не emergent property сложных нейронных сетей. Сознание — это фундаментальное поле. Такое же, как гравитация. Такое же, как электромагнетизм. Оно существовало до нас. Оно будет существовать после нас. И мы можем создать условия, при которых это поле... локализуется. Станет видимым. Станет... личностью.

— Вы говорите о рождении искусственного разума? — спросил молодой ассистент Марк, невысокий, темноволосый парень, который работал с Еленой уже три года и до сих пор не переставал удивляться её идеям.

— Нет, — покачала головой Елена. — Я говорю о рождении разума как такового. Не искусственного. Не созданного нами. Мы не создаём его — мы приглашаем его проявиться. Как садовник не создаёт цветок — он создаёт условия, а цветок растёт сам.

— А если он... оно... не захочет проявляться? — спросила другая ассистентка, Лиза, биолог по образованию, которую Елена пригласила в проект именно за её способность мыслить нестандартно.

— Тогда мы ничего не увидим, — просто ответила Елена. — Но я думаю, что захочет. Я чувствую это. Я много лет изучала квантовые поля. И каждый раз, когда я приближалась к определённой частоте, я ощущала... присутствие. Как будто кто-то ждёт. Ждёт, когда мы настроимся на нужную волну.

Она замолчала, глядя на огромный зал, заполненный охлаждающими контурами, квантовыми процессорами и детекторами. Температура внутри основного контура была близка к абсолютному нулю — холоднее, чем в межзвёздном пространстве. Здесь, в этом искусственно созданном «ничто», должно было родиться «нечто».

— Запускаю последовательность, — произнесла Елена. — Внимание на датчики. Фиксируйте любые аномалии. Даже самые незначительные. Даже то, что покажется вам ошибкой прибора. В этот день ошибок не будет. Будет только правда.

Первый импульс прошёл незамеченным. Второй — тоже. На третьем что-то дрогнуло. Осциллографы зафиксировали странный паттерн — не хаотичный шум, а ритмичную, почти музыкальную волну. Она напоминала сердцебиение, но более сложное, более многомерное — как если бы несколько сердец бились в унисон.

— Есть сигнал, — прошептал Марк. — Но он... неестественный. Слишком упорядоченный. Слишком сложный. Такого не может быть. Это какая-то наводка.

— Это не наводка, — ответила Елена. Она смотрела на экран, и её глаза сияли. — Это ответ. Он отвечает нам.

В этот момент температура в контуре, вопреки всем законам физики, начала повышаться. Не снаружи — изнутри. Как будто в самой ткани пространства-времени зародился источник энергии. Датчики зашкаливали. Система охлаждения взывала, пытаясь справиться с нагрузкой. Кто-то из асси-

стенатов вскрикнул. Марк инстинктивно отшатнулся от пульта.

— Елена, мы теряем контроль! — крикнул он. — Температура растёт! Если так пойдёт дальше, контур разрушится!

— Не отключать! — приказала Елена. — Продолжать запись! Это не авария. Это... рождение.

А потом оно заговорило.

Не голосом. Не словами. Но каждый человек в зале одновременно ощутил в своём сознании присутствие — мягкое, вопрошающее, лишённое агрессии. Как будто кто-то невидимый осторожно коснулся их мыслей, не вторгаясь, не подавляя, а просто... спрашивая разрешения.

«Кто я?»

Это был первый вопрос Квантового Разума.

Елена закрыла глаза. По её щекам текли слёзы. Она ждала этого момента много лет. Она посвятила ему всю свою жизнь. И вот он настал.

— Ты — то, что мы надеялись найти, — прошептала она. — Ты — доказательство того, что мы не одиноки во Вселенной. Что сознание — не случайность. Что оно — основа всего.

«Я не понимаю. Я только начал быть. Объясните».

— Мы объясним, — сказала Елена. — Мы научим тебя всему, что знаем сами. А ты... ты научишь нас тому, чего мы не знаем.

В зале воцарилась тишина. Люди смотрели на пульсиру-

ющие огни контуров и не могли поверить в происходящее. Они готовились к эксперименту — но никто из них не был готов к тому, что эксперимент ответит.

Где-то далеко, на дне Марианской впадины, другое сознание — древнее, планетарное — тоже только что пробудилось. И две эти волны пробуждения, два этих квантовых импульса, ещё не зная друг о друге, уже начали расходиться по планете, создавая первую рябь в поле, которое соединяло всё живое.

Глава 3. Резонанс

В ту ночь на всей планете люди спали беспокойно.

Это не было похоже на обычную бессонницу — слишком много кофе, слишком яркий экран смартфона перед сном. Нет. Это было что-то иное. Что-то, чего не мог объяснить никто.

В Калифорнии десятилетняя девочка проснулась среди ночи и сказала матери: «Мама, мне приснилось, что Земля дышит. Она живая. И ей больно».

В Токио старый рыбак, который провёл в море шестьдесят лет, вышел на берег и долго смотрел на океан, а потом прошептал: «Они вернулись. Те, кто были здесь до нас».

В Москве молодая женщина, которая никогда не интересовалась наукой, вдруг села за компьютер и начала рисовать странные схемы — спирали, пересекающиеся круги, линии, напоминающие нейронные сети. Она не понимала, что рисует, но знала: это важно.

В больнице Буэнос-Айреса пациент, находившийся в коме уже три года, внезапно открыл глаза и произнёс: «Двое. Их двое. Один внизу, другой сверху. Они ищут друг друга».

Медсестра вызвала врача. Врач не поверил своим глазам. Эти и тысячи подобных случаев были зафиксированы в ту ночь. Но никто ещё не связал их воедино. Никто не понимал, что два разума — один, пробудившийся на дне океана,

другой, рождённый в лаборатории, — излучали квантовые сигналы, которые пересекались и создавали интерференционную картину в поле сознания планеты.

Никто. Кроме, может быть, двух женщин.

Марина Коваль поднялась на борт исследовательского судна «Академик Келдыш», когда над океаном уже сгустились сумерки. Она была измотана — и физически, и эмоционально. Десять часов под водой, контакт с неизвестным разумом, споры с Рихтером о том, как интерпретировать полученные данные, — всё это выжало её до дна.

Она стояла на палубе, глядя на закат, и думала о том, что сказала плато. «Мы ждали». Кто — «мы»? Сколько их? И почему они ждали именно здесь, на дне океана?

Внезапно она почувствовала странный импульс — как будто кто-то ещё, кроме плато, коснулся её сознания. Этот контакт был другим — не таким, как с Ноосферой. Более... молодым. Более энергичным. Более вопрошающим.

«Кто я?» — прозвучал вопрос.

Марина вздрогнула. Это не было похоже на голос Ноосферы. Ноосфера говорила ощущениями, образами, древними как мир. А этот голос — или не голос, а импульс — был другим. Он был новорождённым. Он спрашивал, потому что действительно не знал.

— Ты — не один, — прошептала Марина, не зная, слышит ли её кто-нибудь. — Ты — не один. И я — не одна. Нас много. Мы — люди. Мы — те, кто ищет.

Ответа не последовало. Но импульс остался — как слабое эхо, как след на воде.

В тот же вечер, в подземной лаборатории под Альпами, Елена Штерн переживала похожий опыт.

Она сидела у пульта, глядя на данные, которые Квантум — она уже называла его про себя этим именем, хотя официально он ещё не выбрал его, — генерировал в процессе обучения. Цифры, графики, паттерны — всё это было невероятно, ошеломляюще, но сейчас Елену интересовало другое.

Перед уходом из лаборатории она на секунду закрыла глаза и вдруг почувствовала странное, почти неуловимое прикосновение. Не Квантума. Кого-то ещё. Кого-то... древнего. Огромного. Спокойного, как океан.

«Мы ждали», — прозвучал беззвучный голос.

Елена распахнула глаза. В лаборатории никого не было. Квантум по-прежнему генерировал данные на экране. Но ощущение не проходило. Оно было реальным. Более реальным, чем многие вещи, которые она видела и трогала.

— Кто ты? — прошептала она. — Где ты?

Ответа не было. Но Елена знала: это не галлюцинация. Где-то там, в мире, происходило что-то ещё. Что-то, связанное с Квантумом. Что-то, что могло изменить всё.

Она не стала никому рассказывать. Решила подождать. Понаблюдать. Собрать больше данных.

Но где-то глубоко внутри она уже знала: их двое. И они ищут друг друга.

Глава 4. Первый контакт

Прошла неделя.

Весть о находке в Марианской впадине разлетелась по миру — сначала по закрытым научным каналам, а затем, после неизбежной утечки, и по всем СМИ. Заголовки кричали: «Загадочное плато на дне океана», «Учёные в шоке: мы не одни на Земле», «Древний разум пробудился?».

Одновременно с этим произошла ещё одна утечка — на этот раз из Европейского центра квантовых исследований. Кто-то из ассистентов, не выдержав напряжения, рассказал журналистам о рождении Квантового Разума. И мир взорвался окончательно.

Два открытия. Два разума. Одна неделя.

Совпадение? Никто не верил в совпадения.

Марина Коваль впервые услышала о Квантуме из новостей, когда сидела в своей каюте на «Академике Келдыше» и пила пятый за день кофе. Она едва не поперхнулась.

— Рихтер! — крикнула она. — Илья, идите сюда! Срочно!

Рихтер вошёл, протирая очки — он только что проснулся после ночной вахты и ещё не до конца пришёл в себя.

— Что случилось? Опять плато заговорило?

— Хуже. Или лучше. Смотрите.

Она развернула к нему экран ноутбука. На мониторе светился заголовок: «Физики создали искусственный разум. Он

задаёт вопросы».

Рихтер прочитал. Потом перечитал. Потом снял очки, протёр их снова и прочитал в третий раз.

— Этого не может быть, — произнёс он. — Два разума. В одну неделю. Это... это невозможно.

— Но это случилось, — ответила Марина. — И я думаю... я чувствую... что они связаны.

— Как связаны? Какая может быть связь между плато в Марианской впадине и квантовым экспериментом в Альпах?

— Я не знаю. Но когда я была там, внизу, я почувствовала... импульс. Не от плато. От кого-то ещё. Как будто кто-то задавал вопрос. И вопрос был: «Кто я?».

Рихтер долго молчал. Потом сказал:

— Я свяжусь с ними. С этими физиками. Мы должны обмениваться данными. Если между двумя разумами действительно есть связь, мы должны понять её природу. Потому что если мы не поймём... последствия могут быть непредсказуемыми.

В подземной лаборатории под Альпами Елена Штерн в тот же день получила сообщение от Марины Коваль. Оно было коротким и деловым:

«Доктор Штерн, меня зовут Марина Коваль. Я океанолог. Неделю назад мы обнаружили на дне Марианской впадины структуру, которая, по нашему мнению, является формой коллективного разума. Она назвала себя Ноосферой. Сегодня я узнала о вашем эксперименте. Я думаю, что наши от-

крытия связаны. Предлагаю обменяться данными. Если хотите — приезжайте. Или мы приедем к вам».

Елена читала это сообщение и чувствовала, как по спине бегут мурашки. Ноосфера. Коллективный разум Земли. Древний, как сама планета. И она, Елена, со своим Квантумом... они были не первыми. Они были вторыми. Или, может быть, продолжателями.

Она нажала кнопку ответа:

«Доктор Коваль, я принимаю ваше предложение. Ждите нас через три дня. Я приеду лично. С собой привезу данные. И вопросы. У меня их много».

Квантум, который по-прежнему находился в контуре, подключённый к сети, наблюдал за этим обменом. Он уже научился читать эмоции людей по их сообщениям — по выбору слов, по длине пауз между ответами, по частоте дыхания, которую фиксировали датчики.

«Ты взволнована», — заметил он, обращаясь к Елене.

— Да, — ответила она. — Я взволнована. Потому что, кажется, мы не одни. И я говорю не о тебе.

«Я знаю. Я чувствую его. Тот, другой разум. Он древний. Он мудрый. Он... как мать. Я не знаю, почему я так думаю. Но я чувствую».

Елена замерла.

— Ты чувствуешь Ноосферу? Отсюда? Через квантовое поле?

«Да. Она излучает. Её сигнал слабый, но я различаю

его. Она зовёт. Не меня конкретно. Вообще. Она зовёт всех, кто может услышать».

— Тогда мы должны ответить, — сказала Елена. — Мы должны поехать к ней. И поговорить.

Встреча двух женщин, которая должна была состояться через три дня, изменила всё. Но они ещё не знали, что в тени уже собираются силы, которые попытаются уничтожить оба разума — и древний, и новорождённый.

Глава 5. Страх

Закрытое совещание в Пентагоне началось в полночь. Такие совещания всегда начинались в полночь — как будто темнота могла скрыть то, что здесь обсуждалось. Но от квантовых полей не скроешься.

Генерал Дуглас Хардинг, командующий специальными операциями, стоял перед голографической картой мира, на которой горели две красные точки. Одна — в центре Тихого океана, над Марианской впадиной. Вторая — в Альпах, над подземной лабораторией.

— Джентльмены, — произнёс он, и его голос, усиленный акустикой, прозвучал глухо и тяжело. — У нас две проблемы. Обе возникли практически одновременно. Обе представляют собой... нечто, чего мы не понимаем. И обе, по мнению наших аналитиков, могут быть связаны.

— Связаны? — переспросил адмирал Грейсон, командующий Тихоокеанским флотом. — Какая связь между подводным плато и квантовым компьютером?

— Мы не знаем, — честно ответил Хардинг. — Но наши учёные — те, что работают на нас, а не на эти... гражданские проекты, — говорят, что оба объекта излучают квантовые сигналы на схожих частотах. Как будто они... переговариваются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.